БРЮС СТЕРЛИНГ

СТАРОМОДНОЕ БУДУЩЕЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История о сверхкиберизированной Японии будущего. Закономерное «техногенное» развитие идей флеш-моба и воспитания виртуальных питомцев тамагочи.

- Брюс Стерлинг
  - ○

Брюс Стерлинг
Манеки-неко

— Нет, я больше так не могу! — простонал брат.

Цуоши Шимизу, лежа на футоне, задумчиво поглядел на экран пасокона. Несчастное лицо его старшего брата изрядно раскраснелось и лоснилось от пота.

— Это всего лишь карьера, — напомнил Цуоши, садясь и расправляя смятую пижаму. — Не стоит принимать слишком близко к сердцу.

— Вечные сверхурочные, — пьяным голосом забубнил брат. — Корпоративные вечеринки — Он звонил из какого-то бара в квартале Сибуйя; на заднем плане суровая деловая дама средних лет фальшиво пела караоке. — И еще эти проклятые экзамены. Программы повышения квалификации менеджеров. Тесты на профпригодность. У меня просто нет времени на жизнь!

Цуоши сочувственно хмыкнул. Он не был в восторге от этих ночных звонков, но полагал, что обязан выслушивать сетования брата, который был весьма достойным человеком, прежде чем окончил элитарные курсы при Университете Васеда, получил место в крупной корпорации и обзавелся профессиональными амбициями.

— У меня язва желудка, — пожаловался брат. — И болит спина. Я катастрофически седею! Нет, они меня уволят, это точно. Как бы человек ни вкалывал, каким бы ни был лояльным, большим компаниям нынче наплевать на своих служащих. И ты еще спрашиваешь, почему я пью?!

— Тебе надо жениться, — посоветовал Цуоши.

— Не могу найти «половину». Женщины никогда меня не понимали, — брат пожал плечами. — Послушай, Цуоши, я в полном отчаянии, ситуация на рынке сбыта просто катастрофическая. Я почти не могу дышать! Да, надо все изменить, и я подумываю о том, чтобы принять обет… Нет, серьезно!

Я мечтаю отречься от этого ужасного мира!

Цуоши встревожился не на шутку.

— Сколько ты выпил?

Лицо брата резко заполнило экран.

— Хочу в монастырь, там тихо и спокойно! Читаешь вслух сутры, размышляешь о смысле жизни… Правила строгие, но разумные. Да, когда-то таким был и наш японский бизнес, в старые добрые времена!

Цуоши скептически хмыкнул.

— На той неделе я навестил одно заведение… Монастырь на горе Эсо, — признался брат. — Тамошние монахи хорошо понимают проблемы таких, как я, и оберегают нас от современной жизни. Ни компьютеров, ни мобильных телефонов, ни факсов, ни сверхурочных, ни производственных совещаний… Совсем-совсем ничего. Кругом лишь мир, покой, красота — и никаких изменений. Настоящий рай!

— Мой старший брат, — сказал Цуоши, — у тебя отроду не было ни малейшей склонности к религии. Ты не отшельник, а заведующий сектором крупной экспортно-импортной компании.

— Ну… Возможно, ты прав: религия меня не спасет. Я подумывал сбежать в Америку; в конце концов, там тоже ничего не происходит.

— Это уже лучше, — улыбнулся Цуоши. — Отличное место для каникул — ты заслужил отдых. Американцы очень милы и дружелюбны с тех пор, как там запретили оружие.

— Но я не смогу… — захныкал брат. — Я такого не вынесу! Как можно бросить все, что знаешь, и отдать себя на милость незнакомцев?

— Ничего страшного, поверь моему опыту, — ободрил его Цуоши.

— Почему бы не попробовать? — Жена Цуоши беспокойно зашевелилась на соседнем футоне, и он понизил голос: — Прости, но на сегодня все. Непременно позвони, когда примешь какое-то решение.

— Отцу ничего не говори! — забеспокоился брат. — Старик и так волнуется.

— Не скажу, — пообещал Цуоши, прерывая контакт, и экран потемнел.

Его жена, на восьмом месяце беременности, тяжело перекатилась на бок.

— Это снова твой брат? — спросила она.

— Да, его только что продвинули по службе. Больше обязанностей, больше ответственности. Брат как раз отмечает это дело с сотрудниками.

— Приятно слышать, — тактично сказала жена.

Цуоши встал поздно. В конце концов, он был сам себе хозяин и трудился тогда, когда удобно. Он занимался тем, что переводил старые видеозаписи на новейшие высокотехнологичные носители, а эта работа, если делать ее как следует, нуждается в глазомере истинного мастера. Молва об искусстве апгрейдера видеоформатов Цуоши Шимизу расползлась по Сети, и он брал столько заказов, сколько мог и хотел.

В десять утра явился почтальон. Цуоши пришлось прервать завтрак из похлебки мисо с сырым яйцом, чтобы расписаться за доставку очередного заказа: магнитные ленты двадцатого века с аналоговым сигналом. С той же почтой пришла корзиночка свежей клубники и пикули в маринаде домашнего изготовления.

— Огурчики! — счастливо вздохнула жена. — Люди так добры ко мне с тех пор, как я жду ребенка.

— Кто их прислал, как ты думаешь?

— Не знаю. Кто-нибудь из Сети.

Цуоши загрузил свой медиатор, почистил сверхпроводящие головки и проверил старые ленты. Магнитный слой сильно осыпался и частично утратил полярность.

Включив фрактальный генератор деталей и стабилизатор изображения, Цуоши приступил к работе с чередующимися алгоритмами. Когда он закончит, новые цифровые копии будут выглядеть гораздо четче, яснее и композиционно интереснее, чем примитивные оригиналы в свои лучшие дни.

Цуоши любил свою работу. Довольно часто ему попадались отрывки видеозаписей, обладающих определенной архивной ценностью, и тогда он передавал изображения в Сеть. По-настоящему крупные базы данных, с целыми армиями поисковых машин, индексаторов и каталогов, имели весьма обширные интересы. Они никогда не платили за новую информацию, ибо Глобальная Информационная Сеть не являлась коммерческим предприятием. Однако сетевые машины были чрезвычайно вежливы и придерживались строжайшего сетевого этикета. Они отвечали услугой на услугу, а поскольку имели невероятно обширную память, ни одно доброе дело не оставалось без вознаграждения.

После ланча жена Цуоши отправилась за покупками. Специальная служба доставила посылку из-за океана: премиленькие младенческие одежки из Дарвина, Австралия. Желтенькие, как солнышко. Любимый цвет его жены.

Наконец Цуоши покончил с первой лентой и перевел ее на новый кристаллический диск. Пора было прогуляться. Он спустился вниз на лифте, зашел в кофейню на углу, заказал двойной мокко-капуччино со льдом и расплатился льготной карточкой.

Когда он допил свою чашку, зазвонил поккекон. Цуоши вынул его из кармана и ответил на вызов.

— Возьми то же самое с собой, — сказала машина.

— Ладно, — отозвался Цуоши и отключился. Он купил еще чашку кофе, накрыл ее крышкой и вышел на улицу. На скамейке рядом с его домом сидел мужчина в деловом костюме. Костюм

был дорогой, но выглядел так, словно в нем спали. Мужчина был небрит, с красными опухшими глазами и тихо покачивался взад-вперед, держась руками за голову. Поккекон снова зазвонил.

— Кофе для него? — спросил Цуоши.

— Конечно, — последовал ответ. — Его это взбодрит.

Цуоши подошел к несчастному бизнесмену, и тот, нервно вздрогнув, взглянул на незнакомца глазами побитой собаки.

— Что?..

— Возьмите, — сказал Цуоши, вручая ему чашку, — Прекрасный двойной мокко-капуччино со льдом.

Мужчина снял крышку, с недоверием понюхал и поднял изумленные глаза.

— Но это же… мой любимый кофе! Кто вы?

Цуоши поднял кисть, сложив пальцы в кошачью лапку, но бизнесмену этот жест явно не был знаком, и тогда он просто пожал плечами:

— Какая разница? Иногда человеку очень нужен кофе… Теперь он у вас есть.

— Но… — Бизнесмен отхлебнул из чашки и неожиданно улыбнулся. — Великолепно! Спасибо, большое спасибо!

— Пустяки, — сказал Цуоши и пошел домой.

Жена вернулась из магазина, купив себе новую обувь. Во второй половине беременности бедняжка сильно отяжелела, у нее постоянно отекали ноги. Вздохнув, она села на кушетку и принялась рассматривать свои ступни в желтых лодочках.

— Ортопедическая обувь такая дорогая, — пожаловалась она. — Надеюсь, эти туфли выглядят не слишком безобразно?

— Ну что ты, дорогая, они тебе очень идут, — дипломатично ответил Цуоши.

Он познакомился со своей женой в видеомагазине — она только что расплатилась кредитной картой за диск примитивных черно-белых американских анимаций 1950-х. Поккекон велел ему немедля подойти к женщине и завести беседу о коте Феликсе, мультяшном любимце Цуоши и первой звезде древних ТВ-комиксов.

Сам он никогда бы не рискнул подойти к такой красивой девушке, но Сеть знает всех наперечет, ей виднее. И Цуоши обнаружил, что красавица вовсе не прочь обсудить с ним общее пристрастие к реликвиям.

Они пообедали вместе. И снова встретились через неделю. Ночь перед Рождеством они провели в отеле для влюбленных. У парочки оказалось много общего.

Она вошла в его жизнь как подарок из магического мешка кота Феликса, и за это Цуоши был навечно благодарен Сети.

Теперь он был женат, собирался стать отцом и твердо стоял на ногах. Словом, жизнь сулила ему скромные радости.

— Тебе пора постричься, милый, — сказала ему жена.

— Да, конечно.

Она достала из сумки подарочную коробочку.

— Почему бы тебе не сходить в отель Дарума? Там неплохая парикмахерская, а заодно передашь от меня вот эту вещь.

Жена открыла деревянную коробку, и Цуоши увидел в белом гнездышке из пенопласта керамическую фигурку кота с широкой улыбкой и воздетой лапой, призывающей удачу.

— Как, опять манеки-неко? По-моему, у тебя их более чем достаточно. Даже на нижнем белье!

— Это подарок. Для кого-то в отеле Дарума.

— Да?

— Какая-то женщина протянула мне эту вещицу в обувном магазине. Похожа на американку и совсем не говорит по-японски. Но какие у нее туфли… Просто заглядение!

— Если Сеть поручила этого кота тебе, дорогая, ты сама должна отнести его, верно?

— Милый, — вздохнула жена. — У меня ужасно болят ноги, и тебе все равно надо привести в порядок волосы, а мне еще и ужин готовить, и кроме того, это не такой уж хороший манеки-неко, а просто дешевый сувенир для туристов. Неужели тебе трудно?

— Ничуть, — сказал Цуоши. — Только пересылай подсказки ее своего поккекона на мой, а я погляжу, что можно будет сделать.

— Я знала, что ты согласишься, — улыбнулась она. — Ты всегда такой добрый.

Цуоши положил манеки-неко в карман и ушел. Он ничего не имел против просьбы жены, ведь многие капризы беременной гораздо труднее выполнять в их крошечной квартирке на шесть татами. Супруги были довольны кварталом и соседями, однако надеялись найти квартиру побольше еще до рождения ребенка. Возможно, даже с маленькой студией, где Цуоши мог бы расположиться со своей аппаратурой. Найти приличное жилье в Токио очень трудно, но он уже замолвил словечко Сети, и друзья, с которыми Цуоши даже не был знаком, изо дня в день занимались этой сложной проблемой. Рано или поздно наверняка подвернется что-нибудь подходящее, если он будет пунктуально выполнять все поручения Сети.

Сперва он зашел в местный салон пачинко и выиграл у автомата пол-литра пива и проездной. Пиво он выпил, взял проездной и отправился на вокзал, где сел на электричку. Выйдя на станции Эбису, Цуоши достал поккекон и вызвал на экран

уличную карту Токио. Путь его пролегал мимо заведений с заманчивыми названиями «Шоколадный суп», «Телесная свежесть» и «Аладдин Май-Тай Траттория». В отеле Дарума он нашел парикмахерскую, которая именовалась «Всепланетный облик Дарума».

— Что мы можем для вас сделать? — спросила дама-администратор.

— Думаю, мне надо побриться и постричься, — сказал Цуоши.

— Вам назначено?

— К сожалению, нет, — извинился он, складывая пальцы в знак кота.

Женщина ответила быстрой серией резких движений пальцев, из которых Цуоши не опознал ни одного. Дама была явно из другой части Сети.

— Ничего страшного, — добродушно улыбнулась она. — Наоко с удовольствием вас обслужит.

Наоко аккуратно подбривала ему виски, когда зазвонил поккекон.

— Зайди в дамскую комнату на четвертом этаже, — велел он Цуоши.

— Прошу прощения, но я не могу. Это Цуоши Шимизу, а не Аи Шимизу. К тому же меня как раз постригают.

— О, я понимаю, — откликнулась машина. — Рекалибровка. — И отключилась.

Наоко закончила стрижку. Это была хорошая работа, Цуоши выглядел намного лучше. Человеку не следует забывать о своей внешности, даже если он не сидит часами в конторе. Его поккекон снова зазвонил.

— Да? — отозвался Цуоши.

— Лавровишневый лосьон после бритья. Возьми его с собой.

— Хорошо, — ответил Цуоши и обратился к Наоко: — У вас есть лавровишневый лосьон?

— Странно, что вы об этом спросили, — сказала девушка. — Он давно вышел из моды, но у нас случайно сохранилась пара флаконов.

Цуоши приобрел один и вышел из парикмахерской. Ничего не произошло, поэтому он купил журнал комиксов и уселся ждать в вестибюле. Наконец к нему приблизился лохматый блондин в шортах, сандалиях и ослепительно яркой гавайке. На плече иностранца висела камера в чехле, в руке он держал старомодный поккекон. На вид ему казалось лет шестьдесят, и это был очень, очень высокий мужчина.

Он что-то сказал по-английски своему поккекону.

— Прошу прощения, — перевел тот на японский. — У вас случайно не найдется бутылочки лавровишневого лосьона после бритья?

— Найдется, — сказал Цуоши и достал флакон. — Возьмите, пожалуйста.

— Благодарение небесам! — воскликнул иностранец, а его поккемон поспешно перевел. — Я спрашивал у всех подряд в вестибюле. Извините, что опоздал.

— Не беда, я не тороплюсь, — улыбнулся Цуоши. — Какой у вас интересный поккекон.

— Полно вам, — сказал иностранец Я знаю, что он старый и давно вышел из моды. Но я как раз планировал купить себе новый у вас в Токио. Говорят, их продают корзинами на рынке в Акиахбара.

— Верно. Какой программой перевода вы пользуетесь? Ваш поккекон вещает, как уроженец Осаки.

— Да что вы говорите? — забеспокоился турист. — И это раздражает жителей Токио?

— Ну, я не хотел бы жаловаться, но… Послушайте, я могу скопировать для вас совершенно новый бесплатный транслятор.

— Это было бы чудесно!

Они нажали кнопки поккеконов и обменялись визитками через Сеть. Изучив электронную карточку иностранца, Цуоши узнал, что мистер Циммерман проживает в Новой Зеландии. Затем он активировал программу трансферта информации, и его мощный поккекон начал вводить новый транслятор в старую машину Циммермана.

Тут в вестибюль вошел огромный американец в черных очках и глухом плотном костюме; было видно, что он безумно страдает от жары. Мышцы американца распирали одежду, как у штангиста. Вслед за атлетом появилась миниатюрная японка с атташе-кейсом. На женщине красовались зеркальные солнечные очки, броский темно-голубой костюм и шляпка в тон, но вид у нее был какой-то загнанный.

Атлет остановился у дверей и внимательно проследил за тем, как вносят чемоданы. Женщина стремительно подошла к регистрационной стойке и принялась нервно задавать клерку бесчисленные вопросы.

— Я страстный поклонник машинного перевода, — поведал Цуоши высокому новозеландцу. — Думаю, компьютеры делают великое дело, помогая людям понять друг друга.

— Не могу не согласиться, — кивнул мистер Циммерман. — Помню, когда я впервые приехал в Японию много лет назад, у меня не было ничего, кроме бумажного разговорника. И вот я

вхожу в бар и… — Внезапно он замолчал, уставившись на экран поккекона. — Прошу прощения! Тут мне говорят, что я должен немедленно подняться в свой номер.

— Я могу пойти с вами, пока транслятор не загрузится полностью, — предложил Цуоши.

— Большое спасибо!

Они вместе вошли в лифт, и Циммерман нажал на кнопку четвертого этажа.

— Так вот, я зашел в этот бар на Роппонги поздно ночью, потому что очень устал и надеялся перекусить…

— И что?

— Эта женщина… Ну, она слонялась в баре для иностранцев поздней ночью, и была, скажем так, не вполне одета, и совсем не казалась хоть немного лучше, чем выглядит, и…

Да, я вас понимаю.

— А меню, которое мне дали, было целиком на кандзи, или катакане, или ромадзи, или как это у вас называется, поэтому я достал свой разговорник и попытался расшифровать загадочные идеограммы, однако… — Лифт остановился, двери открылись, и они вышли в холл четвертого этажа. — Словом, кончилось тем, что я ткнул пальцем в первую строчку меню и сказал этой даме…

Циммерман опять замолк, поглядев на экран поккекона.

— Кажется, что-то случилось… Минуточку!

Он внимательно изучил инструкции, вынул из кармана шортов флакон и открутил колпачок. Потом встал на цыпочки и, воздев очень длинную руку, вылил лавровишневый лосьон в вентиляционную решетку, расположенную под самым потолком.

Дело было сделано. Новозеландец аккуратно закрутил колпачок, сунул пустую бутылочку в карман и поглядел на экран покеккона.

Нахмурился и как следует встряхнул его, но на экране ничего не изменилось. Очевидно, новый транслятор Цуоши перегрузил слабенькую операционную систему Циммермана, и поккекон безнадежно завис.

Циммерман произнес несколько непонятных английских выражений, потом улыбнулся и с извиняющимся видом развел руками. Кивнув на прощание, он вошел в свой номер и закрыл дверь.

Японка и ее дюжий американский спутник вышли из лифта. Мужчина оглядел Цуоши твердым взглядом. Женщина достала из сумочки электронную карту и открыла дверь номера, руки ее при этом заметно дрожали.

Поккекон Цуоши зазвонил.

— Уходи отсюда, — сказала машина. — Спустись в вестибюль

по лестнице и войди в лифт вместе с рассыльным.

Цуоши поспешно спустился вниз и увидел, как мальчик в униформе закатывает в лифт тележку с багажом взволнованной японки. Он аккуратно протиснулся мимо металлических колес тележки и встал у задней стенки кабины.

— Вам какой этаж, сэр? — спросил мальчик.

— Восьмой, — ответил Цуоши наобум.

Рассыльный нажал на кнопки и замер лицом к двери, руки в белых перчатках по швам. Поккекон молча выбросил на экран строчку текста: положи коробочку в голубую дорожную сумку.

Голубая сумка с молнией лежала на самом верху. Ему хватило пары секунд, чтобы приоткрыть молнию, сунуть внутрь манеки-неко и снова закрыть. Мальчик ничего не заметил и выкатил тележку на четвертом этаже. Цуоши вышел на восьмом, чувствуя себя немного глупо. Он побродил по холлу, нашел укромный уголок за автоматом, торгующим прохладительными напитками, и позвонил жене.

— Ну как дела, дорогая?

— Ничего, — ответила жена и улыбнулась. — Ты прекрасно выглядишь! Ну-ка покажи, как тебя подстригли сзади.

Цуоши послушно направил экран поккекона на свой затылок.

— Отличная работа, — заключила жена с глубоким удовлетворением. — Надеюсь, ты собираешься домой?

— Гм. В этом отеле творится нечто странное, — сказал Цуоши. — Возможно, я немного задержусь.

Она немного нахмурилась.

— Только не опаздывай к ужину! У нас сегодня бонито.

Цуоши вошел в лифт, чтобы спуститься в вестибюль, но кабина остановилась на четвертом этаже, и в нее ввалился дюжий американец.

Из носа у атлета текло, а из глаз струились слезы.

— С вами все в порядке?

— Не понимаю по-японски! — прорычал атлет.

Как только закрылись двери, мобильник американца с треском ожил, испустив отчаянный женский вопль, за которым последовал бурный поток английских слов. Мужчина, громко выругавшись, ударил волосатым кулаком по кнопке «стоп». Кабина со скрежетом остановилась, и зазвенел тревожный звонок.

Атлет раздвинул створки двери голыми руками, вскарабкался на пол четвертого этажа и кинулся назад. Лифт негодующе зажужжал, двери лихорадочно задергались. Цуоши поспешно выбрался из сломанной кабины и секунду колебался, глядя вслед убегающему. Потом вытащил поккекон загрузил японско-английский транслятор и решительно последовал за ним.

Дверь номера оказалась открытой.

— Эй? — воззвал Цуоши и, не дождавшись ответа, испробовал свой поккекон: — Могу я чем-нибудь помочь?

Женщина сидела на кровати. Она только что обнаружила коробочку с манеки-неко и с ужасом взирала на крошечного кота.

— Кто вы такой? — спросила она на ломаном японском.

Цуоши наконец сообразил, что это американка японского происхождения. Ему редко приходилось встречать японцев из Америки, но те всегда вызывали у него тревожное чувство. Внешне они выглядели как нормальные люди, но вели себя ужасно эксцентрично.

— Всего лишь друг, который проходил мимо, — ответил он. — Чем могу помочь?

— Хватай его, Митч! — закричала женщина по-английски. Атлет выскочил в холл и ухватил Цуоши за запястья. Пальцы — будто стальные наручники. Цуоши нажал кнопку тревоги на своем поккеконе.

— Забери у него компьютер, — распорядилась женщина.

Митч выхватил поккекон и бросил его на кровать. Потом сноровисто обыскал пленника и, не найдя оружия, толкнул его в кресло. Женщина снова перешла на японский.

— Ты, сидеть здесь! Не двигаться!

Она приступила к исследованию бумажника Цуоши.

— Прошу прощения? — изумился задержанный, скосив глаза на лежащий на кровати поккекон. Тот исправно посылал сигналы бедствия в Сеть, и по его экрану молчаливо бежали красные тревожные строчки. Женщина заговорила по-английски, и поккекон послушно перевел:

— Митч, немедленно вызови местную полицию.

Атлет разразился громовым чихом, и до Цуоши наконец дошло, что весь номер пропах лавровишней.

— Я не могу вызвать полицию. Я не говорю по-японски, — буркнул Митч и снова отчаянно чихнул. — О'кей, я сама вызову копов. Надень на парня наручники. А потом спустись вниз и купи себе в аптечке каких-нибудь антигистаминов, ради Христа.

Митч достал из кармана пиджака рулончик пластилитовых наручников и примотал правое запястье Цуоши к изголовью кровати. Из другого кармана он извлек носовой платок, вытер слезы и трубно высморкался.

— По-моему, мне лучше остаться с вами. Кот в багаже. Значит, сетевым преступникам уже известно, что мы в Японии. Вам грозит опасность.

— Ты, конечно, мой телохранитель, Митч, но в данный момент ни на что не годен.

— Этого не должно было случиться, — с обидой сказал атлет, яростно почесывая шею. — Прежде моя аллергия никогда не мешала работе.

— Запри дверь снаружи, а я подопру ее креслом. Ступай и позаботься о себе.

Митч ушел. Женщина забаррикадировала дверь и связалась с администрацией отеля через прикроватный пасокон.

— Говорит Луиза Хашимото из номера 434. Тут у меня гангстер, информационный преступник. Вызовите токийскую полицию и скажите, чтобы приехали люди из отдела организованной преступности… Что? Да, именно так. И поднимите на ноги всю вашу службу безопасности, здесь может произойти все, что угодно. Советую поторопиться.

Она резко прервала контакт. Цуоши взирал на нее в глубоком изумлении.

— Зачем вы это делаете? Что все это означает?

— Итак, ты называешь себя Цуоши Шимизу, — сказала женщина, разглядывая его кредитные карточки. Она села в ногах кровати и уставилась ему в лицо. — Ты что-то вроде якудзы, верно?

— По-моему, вы совершаете большую ошибку, — заметил Цуоши.

Луиза сурово нахмурилась.

— Послушайте, мистер Шимизу, вы имеете дело не с каким-нибудь там янки на отдыхе. Я Луиза Хашимото, помощник федерального прокурора из Провиденса, Род-Айленд, США. — Она продемонстрировала ему магнитную идентификационную карточку с золотым официальным гербом.

— Приятно познакомиться с представителем американского правительства, — любезно сказал Цуоши, ухитрившись слегка поклониться.

— Я бы пожал вам руку, но моя привязана.

— Прекратите изображать святую невинность! Я уже видела вас здесь, на четвертом этаже, и в вестибюле тоже. Откуда вам известно, что у моего телохранителя жестокая аллергия на лавровишню? Вы наверняка взломали его медицинское досье.

— Кто, я? Какая чушь!

— С тех пор как я напала на след ваших сетевых бандитов, все факты складываются в колоссальный преступный заговор, — сказала она. — Я арестовала компьютерного пирата в Провиденсе. Как выяснилось, он свободно распоряжался мощным сетевым сервером и целой кучей бесплатных поисковых машин с искусственным интеллектом. Мы посадили мерзавца под замок, мы арестовали все его машины, интеллекты, индексаторы,

каталоги… И в тот же вечер появились коты!

— Коты?

Луиза кончиками пальцев приподняла манеки-неко, словно бы это был живой электрический угорь.

— Эти маленькие коты, ваше японское вуду. Манеки-неко, я не ошибаюсь? Они стали появляться везде, куда бы я ни пошла. Фарфоровый кот в моей сумочке. Три глиняных кота в моем рабочем кабинете. Куча котов во всех витринах антикварных лавок Провиденса. Радио в моем автомобиле принялось мяукать!

— Вы уничтожили часть Сети? — едва проговорил потрясенный Цуоши. — Вы арестовали поисковые машины? Какой ужас! Как же вы могли совершить такое бесчеловечное деяние?

— Ты имеешь наглость возмущаться? А моя машина, выходит, не в счет? — Луиза раздраженно потрясла толстым, неуклюжим американским поккеконом. — Как только я сошла с самолета в Нарита, ПЦА был атакован. Тысячи и тысячи посланий, одно за другим, и все с картинками котов. Я не могу связаться даже с собственным офисом! Мой ПЦА совершенно бесполезен!

— Что такое ПЦА?

— Персональный Цифровой Ассистент, производство Силиконовой долины.

— С таким имечком… Неудивительно, что наши поккеконы не желают с ним разговаривать.

Луиза сверкнула глазами.

— Да, это так, умник. Давай шути! Дошутишься. Ты уличен в злонамеренной информационной атаке на официального представителя правительства США! — Она перевела дух и осмотрела Цуоши с головы до ног. — А знаешь, Шимизу, ты совсем не похож на итальянских гангстеров и мафиози, с которыми мне приходится иметь дело в Провиденсе.

— Потому что я не гангстер. В жизни своей никому не причинил вреда.

— Да ну? — ухмыльнулась Луиза. — Послушай, приятель, я знаю о людишках твоего сорта гораздо больше, чем ты думаешь. Я давно вас изучаю. У нас, компьютерных копов, есть для вас специальное название… Цифровые панархии! Сегментированные, полицефальные, интегрированные сети влияния! Как насчет БЕСПЛАТНЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ, которые ты все время получаешь? — Она уличающе ткнула в него пальцем. — Разве ты когда-нибудь платишь налоги с этих подарков? Ха! Разве ты декларируешь их как свой доход? А эта бесплатная доставка из зарубежных стран? Домашнее печенье, огурчики, помидорчики! Дармовые ручки, карандаши, старые велосипеды!

А как насчет извещений о срочных грошовых распродажах?..

Ты злостный неплательщик налогов, живущий на доходы с незаконных трансакций!

Цуоши озадаченно моргнул.

— Послушайте, я ничего не понимаю в таких вещах. Я просто живу своей жизнью.

— Дело в том, что ваш подарочный экономический хаос подрывает законную, одобренную государством, регулируемую экономику!

— Возможно, все дело в том, — мягко возразил Цуоши, — что наша экономика гораздо лучше вашей.

— Кто это сказал? — фыркнула она. — С какой стати ты так думаешь?

— Потому что мы гораздо счастливее вас. Что может быть плохого в человеческой доброте? Что плохого в подарках? Новогодние Подарки… Подарки к празднику весны… К началу учебного года и к его концу… Свадебные подарки… Подарки на день рождения… И юбилейные… Все люди любят подарки.

— Но не так, как вы, японцы. Вы на них просто помешаны.

— Что это за общество, если в нем отрицают добровольные дары?

Не считаться с нормальными человеческими чувствами… Да это просто варварство.

— По-твоему, я варвар? — ощетинилась Луиза.

— Не хочу показаться невежливым, — заметил Цуоши, — но вы привязали меня к своей кровати.

Она скрестила руки на груди.

— Еще не то будет, когда тебя заберет полиция.

— Боюсь, нам придется долго ждать, — заметил Цуоши. — В Японии полицейские не торопятся. Мне очень жаль, но в нашей стране гораздо меньше преступлений, чем у вас, и японская полиция немного расслабилась.

Тут зазвонил пасокон, Луиза приняла вызов. Это была жена Цуоши.

— Могу я поговорить с Цуоши Шимизу?

— Я здесь, дорогая! — поспешно воскликнул супруг. — Она меня похитила! И привязала к кровати!

— Привязала к своей кровати? — Глаза его жены стали совсем круглыми. — Ну нет, это уже слишком! Я вызываю полицию!

Луиза быстро отключила пасокон.

— Я никого не похищала! Просто задержала до прибытия местной полиции, которая тебя арестует.

— Арестует? А за что, собственно?

Луиза на несколько секунд задумалась.

— За умышленное отравление моего телохранителя путем залива в вентилятор лавровишневой настойки.

— Но в этом нет ничего противозаконного, разве не так?

Пасокон снова зазвонил, и на экране появился ослепительно белый кот с огромными, сияющими, неземными глазами.

— Отпусти его, — распорядился он.

Луиза, взвизгнув, выдернула вилку пасокона из розетки, и через полсекунды весь свет в номере погас.

— Инфраструктурная атака! — еще громче завизжала она и быстро залезла под кровать. В комнате было темно и очень тихо. Кондиционер тоже отключился.

— Думаю, вы можете выйти, — сказал наконец Цуоши. — Это всего лишь короткое замыкание.

— Это не замыкание, — упрямо пробормотала Луиза. Она медленно выползла из-под кровати и села на матрас. Странным образом в темноте у них возникли почти товарищеские чувства.

— Я очень хорошо знаю, что это такое, — тихо сказала женщина.

— Меня атакуют. Не было ни минуты покоя с тех пор, как я арестовала тот сегмент Сети. Со мной постоянно что-то случается. Куча неприятностей. Но ничего нельзя доказать — ни малейшего свидетельства, которое можно предъявить суду. — Она тяжело вздохнула. — Если я сажусь на стул, кто-то уже оставил на сиденье жевательную резинку. Мне приносят бесплатную пиццу, и всегда с такой начинкой, какую я терпеть не могу. Маленькие дети плюют в мою сторону на улице, старухи в инвалидных колясках преграждают дорогу, когда я тороплюсь.

В ванной внезапно включился душ, сам по себе. Луиза вздрогнула, но ничего не сказала. Постепенно темная, душная комната стала наполняться горячим паром.

— В туалетах не спускается вода, — всхлипнула женщина. — Мои письма теряют на почте. Если я прохожу мимо автомобиля, срабатывает противоугонная система, и все окружающие начинают пялиться на меня. Мелочи, всегда только мелочи, но они никогда не прекращаются. Я столкнулась с чем-то ужасно большим и очень-очень терпеливым, и оно все про меня знает. Оно распоряжается миллионами рук и ног. И все эти руки и ноги принадлежат людям!

В холле послышался какой-то шум, отдаленные голоса, бессвязные крики. Внезапно кресло полетело на пол, и дверь с треском распахнулась. В комнату, споткнувшись на пороге, влетел Митч, теряя черные очки, и растянулся на полу. Следом ввалились два охранника из отеля и набросились на него. Митч, невнятно ругаясь, энергично отбивался руками и ногами, в драке

оба охранника потеряли фуражки. Наконец один из них крепко ухватил противника за ноги, а другой, крякнув, успокоил его резиновой дубинкой.

Пыхтя и отдуваясь, они вытащили телохранителя в коридор. Темная комната настолько наполнилась паром, что в спешке стражи порядка даже не заметили Цуоши с Луизой. Женщина уставилась на сломанную дверь.

— Бог ты мой, почему? Что он им сделал?

Цуоши в замешательстве поскреб в затылке.

— Должно быть, небольшое взаимонепонимание?

— Бедный Митч! В аэропорту у него отобрали оружие. С его паспортом была бездна технических проблем. С тех пор как Митч с связался со мной, ему ни в чем не было удачи…

Тут кто-то громко постучал в окно. Луиза съежилась в ужасе, но взяла себя в руки и мужественно раздвинула глухие портьеры. Комнату залил яркий солнечный свет.

За окном висела люлька, спущенная с крыши отеля. Два мойщика окон в серых форменных комбинезонах весело помахали руками, складывая пальцы кошачьей лапкой. С ними был еще один человек, оказавшийся старшим братом Цуоши.

Один из мойщиков открыл окно универсальным ключом, и брат неловко забрался в комнату. Выпрямившись, он аккуратно одернул костюм и поправил галстук.

— Это мой брат, — представил его Цуоши.

— Что вы здесь делаете? — холодно осведомилась Луиза.

— Ну, в ситуациях с заложниками всегда приглашают родственников, — охотно разъяснил тот. — Полиция доставила меня на вертолете прямо на крышу отеля. — Он с интересом осмотрел Луизу с ног до головы. — Мисс Хашимото, у вас едва осталось время на побег.

— Что?!

— Взгляните на улицу, — сказал брат. — Видите их? Люди толпами прибывают со всех концов города. Продавцы лапши с самоходными ларьками, рассыльные велосипедисты, мотокурьеры, почтальоны на пикапах, подростки на скейтбордах…

— О нет! — громко взвизгнула Луиза, взглянув в окно. — Ужасная, неуправляемая толпа! Они меня окружили! Я пропала!

— Пока еще нет, — сказал брат. — В окно и на платформу. У вас есть шанс, Луиза, не упустите его. Я знаю одно местечко в горах, священное место, где нет компьютеров, телефонов и прочего безобразия.

Подлинный рай для таких, как вы и я…

Луиза с надеждой вцепилась в пиджак бизнесмена.

— Могу ли я вам доверять?

— Посмотрите мне в глаза. Разве вы не видите? Да, вы можете мне довериться, Луиза, — кивнул он, — ведь у нас так много общего.

Они решительно вылезли в окно. Луиза крепко ухватилась за руку старшего брата Цуоши, ветер развевал ее темные волосы. Люлька со скрипом пошла наверх и пропала из виду.

Цуоши встал из кресла и протянул левую руку. Кончиками пальцев ему удалось подцепить свой поккекон. Он подтащил его поближе, схватил и прижал к груди. Потом снова сел в кресло и принялся терпеливо ждать, когда кто-нибудь придет сюда, чтобы вернуть ему свободу.